

## Дорогой самообман

Решение проблемы сиротства в России упирается в отсутствие развитого сообщества профессионалов, способных работать с неблагополучными семьями и с семьями, взявшими детей из детских домов. Существующая система опеки эту задачу не решает и, независимо от размеров ее финансирования, консервирует сложившиеся тенденции.

Положение сирот стало политической темой после того, как Дума приняла «закон Димы Яковлева», запрещающий американцам усыновлять российских детей. Президент Владимир Путин, подписав закон, одновременно подписал и указ, в котором перечислены меры содействия усыновлению детей российскими гражданами. Неделю назад он выступил на Всероссийском родительском собрании, где тоже говорил о детях и о семейных традициях.

Внимание главы государства к проблеме порождает надежду, что она станет одной из приоритетных для властей. Политически активная публика, кажется, тоже озабочена «сиротской» темой, хотя пока непонятно, хватит ли этой озабоченности на что-либо, кроме сетевого и уличного осуждения авторов запрета на американское усыновление. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что у нас действительно очень много сирот в детских домах и с этим надо что-то делать. Плохо, потому что в речах на этот счет чувствуется дух кампании. Между тем материя слишком сложна, чтобы ее можно было изменить одним указом, увеличением финансирования или простыми административными перестановками.

«Эксперт» побеседовал с Людмилой Петрановской, педагогом и психологом, много лет работающей с детьми из детских домов, с приемными родителями, с сотрудниками сиротских учреждений и службы опеки. Недавно Петрановская создала Институт развития семейного устройства. Его цели — создать систему профессиональной подготовки специалистов по семейному устройству, профессиональное сообщество таких специалистов, поддерживать обмен опытом между ними и вырабатывать базовые принципы и ценности их работы.

### — Разрешите начать с самого банального вопроса: чем плох детский дом?

— Детский дом — это система, в которой у ребенка не возникает привязанности, отношения к своему значимому взрослому. А человеческие существа так устроены, что их развитие крутится вокруг привязанности. Формирование личности, познания, интереса к миру, любых умений, способностей и всего остального нанизывается на привязанность, как кольца пирамидки на стержень. Если стержня нет, то пирамидка на вид может казаться обычной до тех пор, пока мы не попробуем ее толкнуть и она легко не рассыплется. Кажется, что ребенок, который растет в детском доме, — ребенок как ребенок. В школу ходит, у него там игрушки, вещи складывает на полочку, в игры играет и так далее. Но вот этого стержня нет. И поэтому, как только детский дом как опалубка снимается, то воля и характер ребенка рассыпаются.

Когда он чувствует защищенность, когда чувствует, что тыл прикрыт, ему все интересно, у него много сил, он многое пробует. Даже если он ударился, испугался, куда-то влез, что-то не получилось, у него все равно есть свой взрослый, к которому он возвращается.

### — Воспитателей в детском доме просто слишком мало для того, чтобы они стали такими значимыми взрослыми?

— Их, с одной стороны, слишком мало, а с другой — слишком много. Мало вот в каком смысле: обычно это один или два взрослых на десять-двенадцать детей в доме ребенка и еще меньше взрослых в детском доме. Если у тебя десять двухлеток и, например, один из них ударился, другому просто скучно, третий хочет общаться, и ты начинаешь с ними общаться как с детьми, то есть брать на руки, смотреть в глаза, разговаривать с ними, естественно, они начинают всего этого требовать. Удовлетворить в этом отношении десятерых просто физически невозможно. Поэтому воспитатели в домах ребенка говорят, что стараются с ними лишний раз не разговаривать и на руки не брать, потому что, если начнешь, то они все начнут этого требовать. А если не начинать, то они этого и не просят.

С другой стороны, взрослых слишком много. Было подсчитано, что перед глазами ребенка в доме ребенка мелькает за неделю около двадцати пяти разных взрослых. Меняются воспитатели, нянечки, логопеды, медсестры, массажисты — кого только нет. Их там много очень, а привязанность формируется только в условиях, когда у ребенка есть свои взрослые и есть чужие. Нормальный ребенок не позволит чужому человеку, например, подойти и взять его на руки и унести куда-то. Он не поймет, что происходит. Он будет сопротивляться, он будет плакать, ему будет страшно. Он будет искать родителей. А детдомовского ребенка любая чужая тетка может подойти, взять из кровати и унести куда хочет. Делать, например, ему больно — какую-нибудь прививку. И нет никого, кто бы его от этого защитил, нет никого, кого бы он воспринимал как своих взрослых, за которых он должен держаться, которые не дадут его в обиду. Привязанность избирательна, он не может привязаться к двадцати пяти тетенькам сразу, даже если они обращаются с ним как с ребенком, а не как с кульком.

Программа привязанности — это не про любовь-морковь, а про выживание. Это программа, которая позволяет детенышам млекопитающих проходить период беспомощности после рождения. Детеныш все время прикреплен к своему взрослому, который за ним присматривает, который его кормит, который его уносит на себе в случае опасности, который за него дерется, если приходит хищник. Это про жизнь и смерть. Поэтому ребенок, который не находится в ситуации привязанности, — это ребенок, который каждую минуту своего существования испытывает смертный ужас. Не грусть и одиночество, а смертный ужас.

И он, как может, с этим ужасом справляется. Он уходит в диссоциацию — вот в это отупение и ступор. Он уходит в навязчивые действия, когда качается и бьется головой о кровать, о стенку. Он уходит в эмоциональное очерствение. Если у него все душевные силы тратятся на преодоление ужаса, то какое у него там развитие, какое ему дело до того, что мир интересный?

#### **— А если дети попадают в детский дом не в младенческом возрасте, а уже подростками?**

— У меня был такой опыт, когда я проводила занятия в одном провинциальном городе для сотрудников сиротских учреждений. Когда мы знакомимся, я прошу людей вспомнить их первое впечатление: вот вы пришли на эту работу, впервые увидели этих детей — что вам бросилось в глаза, что вы запомнили, что поразило, впечатлило? И так получилось, что у нас сначала сидели сотрудники приюта, куда попадают дети, только что отобранные из семьи. А потом сидели сотрудники интерната, куда детей направляют из приюта. И сотрудники приюта стали говорить о попавших к ним детях: они горюют, они скучают, они любят своих родителей — даже самых непутевых, пьющих, они беспокоятся о том, что маме или бабушке никто не помогает. Потом заговорили сотрудники интерната, где дети провели уже много лет. И они рассказывают: детям все равно, они никого не любят, им никто не нужен. Они относятся к людям потребительски, их интересует человек только с той точки зрения, что с него можно получить. Им сообщают, что мать умерла, они говорят: «Хорошо, пенсия будет больше». И случайно так получилось, я этого не планировала, но когда вот этот круг прошел, такая повисла просто тишина, потому что...

#### **— Наглядная эволюция ребенка от плохой семьи к пусть даже хорошему интернату?**

— Да, люди поняли, что они работают много лет в системе, которая делает это с детьми. В систему приходят дети, да, пусть грязные, пусть вшивые, пусть чего-то не умеющие и не знающие, но живые, любящие, преданные, с нормальным сердцем. А после нескольких лет жизни со сбалансированным питанием и с компьютерными классами они превращаются в нечто пугающее, которым говоришь, что мать умерла, они отвечают: «Хорошо, пенсия будет больше». И в этом главный ужас этой системы.

Следующая проблема — тотальное нарушение личных границ во всех этих детских учреждениях. Там не закрывается ни один туалет, там не закрывается ни один душ. Там нормально, когда трусы лежат в общей коробке на всю группу. Там нормально, когда девочке нужны прокладки, и она должна идти к медсестре на другой этаж об этом просить. Постоянное тотальное нарушение границ, когда тебя постоянно могут повести на какой-то осмотр чужие совершенно люди. Вспоминается какое-то ток-шоу, где разбирался скандал, как в детском доме мужик, сам будучи опекуном, брал мальчиков на выходные из детского дома и домогался их. Не то чтобы насиловал, но приставал. Он запалился на том, что позвал ребенка со двора и тоже к нему полез — семейного ребенка. И семейный ребенок пришел домой в шоковом состоянии, в слезах. Его мама сразу это заметила, стала у него спрашивать, и все это раскрутилось. Детей из детского дома он перед этим брал на выходные два года, и еще один мальчик из детдома у него жил постоянно. Ни разу они не были ни в шоке, ни в слезах. Журналисты берут интервью у директора, она говорит: «Да не может этого быть, да они совершенно не жаловались, каждую неделю их осматривает медсестра, мы бы заметили». Она не очень даже отдает себе отчет в том, что говорит. На самом деле дети живут годами в ситуации, когда любая чужая тетка может в любой момент их раздеть, осмотреть, во все места залезть. Чем их после этого удивит педофил? Ну они не

были впечатлены, он все-таки дяденька. Кстати, возможно, он делает это более ласково и бережно, чем медсестра.

Дети постоянно живут в ситуации нарушения личных границ. Естественно, они потом оказываются очень легкой добычей для любого негодяя, потому что не знают, как можно сказать «нет». И насилия очень много внутри детских коллективов, потому что дети не видят в этом проблемы: ну зажали в углу, ну отымили, а что? И конечно, бывает очень трудно тем детям, которые попали в детский дом в более взрослом возрасте из семьи, для них это тяжелейшая травма.

#### — Как дети из детских домов адаптируются к взрослой жизни?

— Когда ребенок живет в семье, мы постепенно передаем ему все больше и больше прав по принятию решений. В пять лет ему можно гулять только с нами, в десять можно уже самому, а в пятнадцать он один ездит по городу. В детском доме правила для всех одни, будь тебе четыре года или восемнадцать. Детские дома становятся все более закрытыми, когда внутри корпуса с этажа на этаж можно проходить только по электронным пропускам. Самые дорогие навороченные детские дома устроены как тюрьмы: безопасность, безопасность, безопасность. И для всех распорядок дня с отбоем в девять часов. Дети живут полностью регламентированной жизнью.

#### — Опыта принятия решений у них нет?

— Никакого опыта, все по команде: на горшок по команде, уроки делать по команде, кушать по команде. И еще — полные гарантии. С одной стороны, у тебя все регламентировано, с другой — за тебя все делают. Там сейчас в моде комнаты подготовки к самостоятельной жизни. Кухня, где учат готовить, например. Но ведь подготовка к самостоятельной жизни не в том состоит, чтобы тебя научили варить макароны, — варить макароны можно по интернету научиться за пять минут. Я спрашиваю всегда: если вы дали им деньги на продукты, а они пошли в магазин и купили вместо этого пепси-колу с шоколадом или сигареты, не купили продукты на ужин и не приготовили ужин или так его готовили, что он получился несъедобным, — они без ужина останутся в этот день? Воспитателей аж кондратий хватает: «Как, конечно нет, это невозможно!» Они не понимают главного: в жизни так устроено, что если ты не приготовил ужин, у тебя просто не будет ужина. Никто не будет тебя воспитывать, никто не будет тебе читать нотаций — просто не будет, и все.

#### — В детском доме ответственность не наступает?

— Ответственность не наступает вообще. Если ребенок порвал или испачкал майку, он ее снимает и выбрасывает в окно. Потом он завхозу скажет: «Потерял» — и завхоз вытащит другую. Для него это какой-то непонятный и бездонный источник, который выплюнет очередную майку. И все эти благотворители, которые приезжают с подарками, — потом волонтеры рассказывают, как дети в футбол играют конфетами и ходят с хрустом по мобильным телефонам. У ребенка есть фантазия, что он — бедная сиротка и мир устроен так, что все ему должны.

#### — И из этого мира всегда будут сыпаться блага...

— Да, и всегда будут сыпаться. Психологи удивляются представлениям о жизни детей из детских домов. Дети говорят: я буду жить в большом доме, и у меня будут слуги. А они так и живут — в большом доме, где у них слуги. Потому что сейчас санэпидемстанция запретила все: они не могут участвовать в приготовлении пищи, они не могут стирать.

#### — Тоже из соображений безопасности?

— Во-первых, ужасный детский труд, а во-вторых, безопасность. Практически во всех детских учреждениях за последние годы закрыты все мастерские, все приусадебные участки, фермы, огороды, теплицы. Все это детский труд, и все это нельзя.

#### — Был принят какой-то документ, которым все это запретили?

— Я не знаю, был ли принят какой-то документ. Это просто практика. Сейчас в детском доме нельзя держать животных, кроме рыбок и черепах. Хомячка даже нельзя — все запрещено. Я разговаривала с директором, который нашел выход. Дети все время приносили щенков, котят, а держать их категорически запрещено. Так он сделал кинологический кружок, нашел кинолога, оформил его на четверть ставки, и под этим соусом у него во дворе живет Тузик. Дети счастливы.

Безумие, просто безумие: дети не могут отвечать сами ни за кого, у них самих ноль процентов свободы и сто процентов гарантии. Потом они вырастают, и в один день все меняется. Им выдают на руки сберкнижку, на которой двести-триста тысяч рублей. Никакого опыта саморегуляции у них нет. Они за неделю по ресторанам, по саунам эти все деньги прогуливают. И, как подсказывают им все предыдущие восемнадцать лет жизни, ждут продолжения банкета, а оно не наступает. Ну а дальше начинается криминальная история. Все наши программы, которые чаще всего сводятся к накачиванию деньгами, это положение только укрепляют. В Москве, например, если выпускник детского дома после училища не нашел сразу себе работу (да они и не ищут, потому что лучше сказать, что не нашел), он может пойти на биржу труда, зарегистрироваться там, и как выпускник детского дома он будет полгода получать за то, что не работает, какую-то очень немалую сумму — сорок пять, что ли, тысяч ежемесячно. Потом полгода кончатся. И выясняется, что с завтрашнего дня правила меняются, он должен работать по восемь часов на неинтересной — а откуда интересная? — и малоприятной работе за пятнадцать тысяч. Кто бы захотел. Они начинают искать другие варианты. Поэтому детский дом — это дорогой самообман общества, он жрет безумные деньги — от сорока пяти до ста десяти тысяч рублей на ребенка в месяц — и уродует детей.

**— Есть ведь много негосударственных сиротских приютов. Только у церкви их десятки. Там по-другому жизнь устроена?**

— Принципиально не то, государственное учреждение или негосударственное. Очень важный параметр — число детей в одном учреждении. Если у вас там сто, двести, триста человек, то ничего хорошего не будет, потому что это все равно казарма. Маленькие государственные детские дома бывают вполне человеческими. Но их обычно в первую очередь закрывают.

**— Почему?**

— Легче отчитаться, что закрыл целый детский дом. Чем с монстром в триста детей иметь дело, пытаюсь распределить их в семьи, проще из маленького детдома десять детей отвезти в большой. Не важно, что их там побьют в первый же день, зато можно хорошо отчитаться.

**— По статистике Минобра число вновь выявленных сирот год от года уменьшается...**

— Это демографическая проблема. Просто детское население уменьшается.

**— Рост рождаемости не влияет на это?**

— Большинство детей отбирают из семьи не в самом раннем возрасте. Большинство выявленных сирот — дети постарше, как раз тех годов рождения, когда детей было меньше. По стране положение разное. Есть регионы, где просто никто не суется в это. Я не знаю, хорошо это или плохо и лучше ли становится кому-то, когда их выявляют и засовывают в детские дома.

**— Общих критериев выявления сиротства и отобрания из семьи нет?**

— Сами регионы очень разные. Например, в Москве много мигрантов. Подавляющее большинство детей-сирот поставляют гастарбайтеры.

**— Их оставляют в роддомах?**

— А куда деваться? Некуда, физически некуда матери с ним пойти. Ее просто на порог не пустят в дом, где они живут по шестнадцать человек в комнате. Вернуться домой она с ним тоже не может, потому что, если он родился вне брака, ее убьют, да и все. Есть организации, которые пытаются работать с этим, но ценой титанических усилий и при диком сопротивлении государства. Хотя в большинстве своем такое материнство недевиантное, женщины не пьют, не курят во время беременности и хотели бы этого ребенка растить, но у них совсем нет возможности.

**— Как сопротивляется государство?**

— Попытки обеспечить ребенку семейное устройство наталкиваются на то, как устроена система. Есть органы опеки. Органы опеки виноваты будут, если с ребенком что-то случится в семье. В кровной семье — почему не забрали, в приемной — почему отдали. Если с ребенком что-то случается в детском учреждении, органы опеки не виноваты. Естественно, они всегда стараются перестраховаться и семейного устройства по возможности избежать. А если возникает вопрос, забирать ребенка из семьи или не забирать, то им лучше забрать. Потому что если забрали и нанесли ребенку этим травму, даже потом вернули, за это ответственности тоже никакой

нет.

Был случай: женщина снимала у семьи комнату, родила ребенка. Видимо, у нее была скрытая шизофрения. Через несколько месяцев после рождения ребенка она ушла из дома и пропала. Остался двух-трехмесячный ребенок. У хозяев тоже был свой маленький, мать кормила его грудью, стала кормить и второго. Семья говорит: «Давайте мы его у себя оставим, все равно он у нас, все равно мать его уже кормит». Закон это допускает, есть временная опека, которую можно оформить в день обращения по паспорту. Нет, у них забрали этого ребенка. Забрали в дом ребенка с тем, чтобы они с самого начала оформляли опеку над ним, причем на общих основаниях. То есть ребенок может уйти в другую семью или остаться в доме ребенка и обрести госпитальную депрессию и пару тяжелых диагнозов, которые потом годами лечить надо. За это ответственности нет никакой.

**— Уже несколько лет обсуждается закон о социальном патронате. По замыслу, он направлен на помощь семьям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, и должен предотвратить отобрание детей из семьи. Как вы относитесь к этой идее?**

— Сама по себе идея социального патроната здравая. Редко встречаются семьи, которые полностью не справляются с воспитанием детей. У нас только шесть процентов случаев отобрания детей связаны с жестоким обращением. Даже если мы добавим такие случаи, когда жестокое обращение не доказано, будет двадцать процентов. В большинстве случаев дома бедно, отопления нет, дети в школу не ходят, родители пьют, но не бьют. В мировой практике пришли к тому, что в такой ситуации надо восполнить родительский ресурс. Кормить не могут? Давайте обеспечим ребенку трехразовое горячее питание. Уроки с ним делать не могут? Придет социальный педагог, будет с ним делать уроки. Одежды не хватает? Придет благотворительный фонд и поможет. Идея не в том, чтобы решать — хорошие родители или плохие и если плохие, то забирать. А выяснить, где семья проседает, с чем она не справляется, что она не тянет, и ровно в это место добавить, не разрывая привязанность, не забирая ребенка в систему детских домов. Но что у нас в этом законопроекте получается? Органы опеки сами определяют эти сферы неблагополучия, сами определяют, что нужно делать, сами же у себя потом принимают работу и оценивают ее результаты. А если результаты их не устроили, они автоматически обязаны забрать ребенка. Что будет происходить — к гадалке не ходи. Будет опять контроль, но не будет помощи. И любая семья, которая попадет в эти жернова, обречена, потому что она в любом случае будет потом виновата. Помимо этого очень важно, чтобы с семьями работали профессионалы.

**— Как в нашей стране с профессионалами?**

— Полный караул. Никакой системы подготовки профессионалов в семейном устройстве нет вообще. Наш проект Института развития семейного устройства из этого и родился. Мы хотим создать сообщество специалистов, способное к самоорганизации и саморазвитию.

В стране с первого сентября ввели обязательную подготовку для приемных родителей. Потом стали думать: а кто будет это делать? Тренеров школ приемных родителей нигде не готовят. Специалистов служб сопровождения не учат. Уж про социальный патронат я молчу, потому что это самая сложная сфера — работа с кризисными семьями. С приемными родителями в этом смысле на порядок легче работать хотя бы потому, что они обычные люди, мотивированные, образованные, благополучные. С кризисными семьями работать надо уметь. И надо уметь не так, как у нас учат на социальных факультетах, где сплошь и рядом социологию читают. Надо уметь в поле работать, надо уметь разговаривать. Причем этому должны учить практики. Тут никакой доцент тебя не научит. От того, что тебе перескажут ученые труды, у тебя не появится умение войти в квартиру, где кто-то пьяный и агрессивный, и поговорить с ним так, чтобы был какой-то от этого толк.

**— Чего стоит ожидать от кампании в поддержку передачи сирот в семьи, которая началась после принятия «антимангнитского» закона?**

— К сожалению, если говорить об инициативах сверху, это будет просто очередной повод для распила. Начнется, например, финансирование ремонта в детских домах. К сожалению, тут все смешано в одном котле. С одной стороны, коррупционные устремления, потому что это действительно большой финансовый поток, а под лозунгом «для бедных сироток» можно бесконечно качать деньги из бюджета и из благотворителей. С другой стороны — непонимание, когда предлагают стимулировать усыновление разовыми выплатами. Это ошибочно: что они будут делать, если люди станут детей брать, а через полгода возвращать? Уже были регионы, которые на эти грабли наступали, которые объявляли огромное стартовое вознаграждение, а потом разгребали возвраты. Планируют уменьшить требования к усыновителям. Но эти требования они сами ввели три года назад — все эти справки из СЭС и тому подобное.

## — Справки СЭС о чем?

— Если вы хотите взять ребенка, в пакет документов зачем-то входит справка СЭС о состоянии жилья, которую вы должны ждать месяц, при этом на практике эта СЭС даже не ходит к вам домой. Опекун все равно сама осматривает жилье. Еще справка из милиции о судимости, которую месяц надо ждать.

## — Кто придумывает эти правила?

— Это общая тенденция усиления контроля. Единственное, что наше государство умеет, — контролировать. Говорят же, что у нас страна победившего Паркинсона. Система контроля начинает работать сама на себя. Сейчас учителя смеются, что школа превратилась в место, где дети мешают учителям работать с документами для вышестоящих инстанций. Опекуны и приемные родители, если получают пособие, должны отчитываться о своих расходах. Не просто чеками, а чеками из супермаркетов, где написано название товара. И на полном серьезе сидят люди с карандашом и чеки, за месяц собранные, строчка за строчкой проверяют: не попались ли там где-нибудь сигареты или пиво? В этом нет никакой необходимости, и это создает трудности множеству людей. На Украине действует опосредованный контроль. Сотрудники опеки видят ребенка раз в полгода. В школу он ходит, в детский сад ходит, и если бы голодал или ходил в обносках, это было бы заметно. И этого достаточно.

## — Украина более продвинута, чем мы, в семейном устройстве?

— Украина на порядок более продвинута, и это произошло после 2004 года. С тех пор они вполноценно уменьшили число детей-сирот в детских учреждениях. У них есть регионы, где ни одного ребенка младше восьми лет нет в детских домах. Не считая каких-то очень тяжелых инвалидов.

Главное, что это не просто количественные результаты, это качественные результаты. У них есть службы, у них подготовленные специалисты по работе с семьями. Их тоже не хватает. Я туда езжу, провожу какие-то занятия. Понятно, текучка там, зарплаты небольшие, но специалисты есть. Есть базовый профессиональный слой, который может укорениться и стать почвой для будущего роста.

## — Есть ведь и в России регионы, где удается сравнительно много детей устраивать в семьи?

— Все держится на человеческом факторе. Где-то губернатор или кто-то из чиновников высшего эшелона обратил внимание на проблему — и там есть результаты. В любом регионе начинаешь копать, и ты приходишь к конкретному человеку, на котором это держится. Даже на низовом уровне так может быть. На уровне конкретной опеки. Вот в Московской области, например, есть примеры, когда рядом два района, а разница с семейным устройством больше, чем в двух соседних европейских странах. Потому что в одной опеке одни люди работают, а в другой — другие. Потому что одни костыли ложатся, чтобы ни один ребенок не ушел в систему, а другим все равно. Угадайте, кто из них на лучшем счету у начальства, а кто из них через три года выгорит и просто уйдет.

## — Несколько лет назад в России шли споры о патронатном воспитании — когда детей из детских домов передают в семьи, эти семьи получают профессиональную поддержку от сотрудников детского дома и сами становятся, если можно так сказать, профессиональными воспитателями. В итоге патронат был сведен на нет. Как вы оцениваете этот опыт?

— К проблеме передачи детей в семьи можно подходить с двух сторон — со стороны семьи и со стороны ребенка. Были организации, клиентами которых были семьи, и они помогали семьям найти ребенка, пройти органы опеки, собрать бумаги. Изначально это как агентство по усыновлению. Отсюда и неприятие патроната. Они видят систему детских домов исключительно как враждебную, из которой нужно ребенка вырвать. А я и мои коллеги исходили из того, чтобы найти семью для ребенка. Когда ты находишься в учреждении, которое устраивает детей в семьи, как, например, 19-й детский дом, в котором я работала (на базе 19-го детского дома в Москве был создан ведущий в стране центр патронатного воспитания. — «Эксперт»), это по-другому: ты видишь детей. И ты ищешь, кому бы их можно было устроить. И для тебя эти люди не клиенты, для тебя клиент — ребенок. А эти люди для тебя партнеры, которых ты вовлекаешь.

Патронат — это профессиональная замещающая семейная забота. Ключевое слово — профессиональная. Это для людей работа, это реализация — их этому учат, там есть система профессионального роста. Там есть система поддержки от выгорания. Нынешняя форма возмездной опеки не предполагает профессиональной составляющей и сопровождения со стороны педагогов, психологов.

## — Что можно сделать у нас в стране для передачи сирот в семьи?

— Трудно на этот вопрос ответить, потому что есть два пласта: как по уму и что в реальности. По уму, например, хороша идея централизованной структуры, занимающейся проблемой детей-сирот, потому что сейчас они размазаны между ведомствами: Минздрав, Минсоцзащиты, Минобр. Нам нужна реформа всей системы защиты прав детей-сирот — сверху донизу. Конечно, должен быть центр этой реформы. Но в той реальности, которую мы имеем сейчас, понятно, к чему это приведет. Структуру создадут, возглавит ее условный Астахов или там Лахова, и это будет конец! Потому что это будет еще в тысячу раз хуже, чем нынешняя размазанность и бардак, когда в этом бардаке хоть как-то можно лавировать, лавировать, да вылавировать.

На Украине реформа прошла после 2004 года, когда было обновление, когда стало возможно строить систему, которая работает на результат, а не на самоподдержание и на обращение к себе финансовых потоков. У нас настолько все ненормально и неправильно вообще, целиком, что ожидать, что в одной какой-то сфере будет по уму, — просто наивно. Сейчас надо готовиться, работать, чтобы были хотя бы специалисты, продумывать действия, чтобы, когда появится возможность, что-то сделать в масштабе страны, уже иметь программу.

Николай Силаев

Автор: Артур Скальский    © Эксперт    ОБЩЕСТВО, РОССИЯ    👁 2687    26.02.2013, 00:19    📌 454  
URL: <https://babr24.com/?ADE=112569>    Bytes: 28020 / 27821    [Версия для печати](#)

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

*Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:*

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

*Связаться с редакцией Бабра:*

[newsbabr@gmail.com](mailto:newsbabr@gmail.com)

Автор текста: **Артур  
Скальский.**

#### НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24\\_link\\_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: [newsbabr@gmail.com](mailto:newsbabr@gmail.com)

#### ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: [bratska.net.net@gmail.com](mailto:bratska.net.net@gmail.com)

#### КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24\\_link\\_bot](https://t.me/bur24_link_bot)

эл.почта: [bur.babr@gmail.com](mailto:bur.babr@gmail.com)

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24\\_link\\_bot](https://t.me/irk24_link_bot)

эл.почта: [irkbabr24@gmail.com](mailto:irkbabr24@gmail.com)

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24\\_link\\_bot](https://t.me/kras24_link_bot)

эл.почта: [krasyar.babr@gmail.com](mailto:krasyar.babr@gmail.com)

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24\\_link\\_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)

эл.почта: [nsk.babr@gmail.com](mailto:nsk.babr@gmail.com)

Томск: Николай Ушайкин  
Телеграм: @tomsk24\_link\_bot  
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

#### **ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:**

---

Рекламная группа "Экватор"  
Телеграм: @babrobot\_bot  
эл.почта: equatoria@gmail.com

#### **СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:**

---

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)